

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

Луиза Мэй
ОЛКОТТ

Хорошие жены

МОСКВА
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-54

Louisa May Alcott
GOOD WIVES

Перевод с английского *Анны Матвеевой*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Джорджа Данлопа Лесли*

Олкотт, Луиза Мэй.

О-54 Хорошие жены / Луиза Мэй Олкотт ; [перевод с английского А. Матвеевой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-170995-2

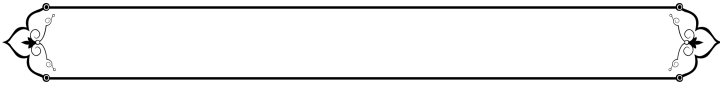
Прежде чем стать всемирно известным автором литературы для юношества, Луиза Мэй Олкотт (1832—1888) работала медсестрой во время Гражданской войны, боролась с рабством, была одной из первых участниц движения за предоставление женщинам избирательных прав. Начав писать детские книги, достигла небывалой славы и богатства. Она смотрела на мир и писала о нем так же, как жила, — с верой в будущее, с любовью и состраданием к людям. Верность жизненной правде и высоким идеалам, юмор и неугасимый оптимизм, присущие ее творчеству, всегда будут привлекать к ее книгам юных и взрослых читателей.

«Хорошие жены» — продолжение «Маленьких женщин», искреннего и трогательного романа о детстве и юности четырех сестер. Маргарет, Джо, Бесс и Эми такие разные, такие неповторимые. Они сообща справляются с трудностями, испытывают горести и радости, мечтают о будущем и проходят непростой путь взросления. А став взрослыми девушками, сталкиваются с новыми заботами. Живо и увлекательно описывая их судьбу, Олкотт снова вселяет веру в людей и человеческие чувства.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-170995-2

© Матвеева А., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ГЛАВА I

СПЛЕТНИ

Для того чтобы мы могли заново начать нашу повесть и с лёгким сердцем отправиться на свадьбу Мэг, неплохо было бы немного посплетничать о семье Марч. И здесь позвольте предположить, что если кто-то из старших задумается, не слишком ли много «любви» в этой истории, как я опасаясь, они могут подумать (я не боюсь, что молодые люди будут против этого возражать), я могу только воскликнуть вместе с миссис Марч: «Чего ещё можно ожидать, когда в доме четыре весёлые девушки, а напротив живёт лихой молодой сосед?»

Три прошедших года мало что изменили в этой тихой семье. Война закончилась, мистер Марч благополучно вернулся домой, занялся своими книгами и маленьким приходом, который нашёл в нём священника как по природе, так и по достоинствам спокойного, вдумчивого человека, богатого мудростью, которая важнее, чем учёность, милосердием, делающим всех людей «братьями», благочестием, преобразующим человека, делая его величественным и прекрасным.

Эти качества, несмотря на бедность и высокую порядочность, мешавшие его житейским успехам, привлекали к нему многих достойных восхищения людей так

же естественно, как сладкие травы привлекают пчёл, и так же естественно он давал им мёд, в который за пятьдесят лет тяжёлого жизненного опыта не попало ни одной капли горечи. Серьёзные молодые люди считали седовласого учёного таким же молодым сердцем, как и они, а рачительные или измученные проблемами женщины неосознанно делились с ним своими опасениями, уверенные в том, что найдут самое ласковое участие, самый мудрый совет. Грешники поверяли свои грехи чистосердечному старцу и получали как обличение, так и отпущение. Одарённые люди находили в нём товарища. Честолюбивые улавливали проблески более благородных стремлений, чем их собственные, и даже люди, поглощённые житейскими заботами, признавали, что его убеждения прекрасны и истинны, хотя «они не приносят выгоды».

Со стороны казалось, что пять энергичных женщин правят домом, и во многих отношениях это было так, но тихий учёный человек, сидящий среди своих книг, всё же являлся главой семьи, её совестью, якорем и утешителем, ибо обременённые трудом и заботами женщины всегда обращались к нему в трудную минуту, считая его, в самом прямом смысле этих священных слов, мужем и отцом.

Девушки отдали свои сердца на попечение матери, свои души — отцу, и обоим родителям, которые жили и беззаветно трудились ради них, они дарили любовь, которая росла вместе с ними и мягко связывала их нежнейшими узами, благословляющими жизнь и преодолевающими смерть.

Миссис Марч всё так же бодрa и жизнерадостна, хотя и несколько поседела с тех пор, как мы видели её в последний раз, а сейчас настолько поглощена хлопотами Мэг, что госпиталям и домам, всё ещё полным ранены-

ми «мальчиками» и солдатскими вдовами, решительно не хватает визитов этой заботливой миссионерки.

Джон Брук мужественно исполнял свой воинский долг в течение года, получил ранение, был отправлен домой, и на фронт ему вернуться не разрешили. Он не получил ни звёзд, ни знаков отличия, но заслужил их по праву, потому что с готовностью рисковал всем, что имел, а жизнь и любовь очень ценны, когда и то и другое в полном расцвете.

Совершенно смирившись с увольнением, он приложил все свои силы, чтобы восстановить здоровье, подготовиться к работе и накопить на дом для Мэг. С присущими ему здравым смыслом и стойкой независимостью он отказался от более щедрых предложений мистера Лоуренса и согласился на место бухгалтера, чувствуя себя более удовлетворённым, начав с честно заработанного жалованья, чем рискуя брать деньги в долг.

Жизнь Мэг проходила не только в ожидании свадьбы, но и в трудах, она становилась женственнее по характеру, мудрее в искусстве ведения хозяйства и красивее, чем когда-либо, ибо любовь — великое украшение. У неё были свои девичьи стремления и надежды, и она чувствовала некоторое разочарование от того, как скромно должна была начаться её новая жизнь. Нед Моффат только что женился на Салли Гардинер, и Мэг не могла не сравнивать их прекрасный дом и экипаж, множество подарков на свадьбу и великолепный наряд невесты с теми, что будут у неё, втайне желая иметь то же самое. Но почему-то зависть и недовольство вскоре исчезли, когда она подумала о терпеливой любви и труде, которые Джон вложил в маленький домик, ожидавший её, и когда они сидели вместе в сумерках, обсуждая свои невеликие планы, будущее всегда казалось таким

прекрасным и светлым, что она забывала о великолепии Салли и чувствовала себя самой богатой, самой счастливой девушкой во всем христианском мире.

Джо никогда больше не возвращалась к тётушке Марч, так как старая леди так полюбила Эми, что подкупила её предложением брать уроки рисования у одной из лучших преподавательниц живописи, и ради этой привилегии Эми служила бы и гораздо более суровой хозяйке. Поэтому она отдавала утро долгу, а вторую половину дня — удовольствиям и прекрасно преуспевала. Джо тем временем посвятила себя литературе и заботе о Бет, все еще не окрепшей после того, как лихорадка ушла в прошлое. Все еще слабая, она уже не походила на то розовое, здоровое создание, каким была прежде, но неизменно оставалась полной надежд, счастья, безмятежности, предаваясь своим любимым тихим занятиям, она стала другом для всех и ангелом дома задолго до того, как об этом узнали любящие её больше всего на свете.

Всё то время, пока «РАСПРОСТЁРТЫЙ ОРЁЛ» платил доллар в месяц за её «чепуху», как она это называла, Джо чувствовала себя состоятельной женщиной и старательно сочиняла свои маленькие романтические новеллы. Но великие планы бродили в её предприимчивой и честолюбивой голове, и старая жестяная жаровня на чердаке хранила медленно увеличивающуюся стопку измаранных чернильными пятнами рукописей, которые в один прекрасный день должны были поместить фамилию Марч в список знаменитостей.

Лори, послушно поступивший в колледж, чтобы угодить деду, теперь легко справлялся с учёбой, приносившей ему удовольствие. Он был всеобщим любимцем благодаря деньгам, манерам, различным талантам и добрейшему сердцу, из-за чего нередко попадал в непри-

ятные ситуации, пытаясь вызволить из них других людей. Существовала большая опасность, что Лори будет избалованным, и, вероятно, он стал бы таким, подобно многим другим подающим надежды юношам, если бы не имел талисман против зла в виде мыслей о добром старике, которому он был обязан своим успехом, о матушке Марч, которая заботилась о нём, как о родном сыне, и наконец, но не в последнюю очередь, в виде осознания того, что четыре невинные девушки любят, уважают его и верят в него всем сердцем.

Будучи всего лишь «славным парнем», он, разумеется, резвился и флиртовал, становился щеголеватым, модным, чувственным или физически развитым, как диктовала университетская мода, он подшучивал над другими и сам становился объектом шуток, говорил на жаргоне и не раз был на грани отчисления. Но так как приподнятое настроение и любовь к забавам были причинами его шалостей, ему всегда удавалось спастись благодаря чистосердечному признанию, честному искуплению или непреодолимой силе убеждения, которой он владел в совершенстве. На самом деле он гордился тем, что ему удавалось избежать последствий, и любил пощекотать нервы девушек красочными рассказами о своих победах над гневными наставниками, скучными профессорами и поверженными врагами.

Однокашники Лори были героями в глазах девушек, которые никогда не уставали слушать о подвигах «его товарищей», и им часто позволялось купаться в улыбках этих великих созданий, когда Лори привозил их погостить в свой дом.

Эми особенно наслаждалась столь же высокой честью и стала среди друзей Лори настоящей царицей бала, ибо её светлость рано осознала присущий ей дар очарования и научилась им пользоваться. Мэг была по-

глощена своей личной жизнью и особенно Джоном, не замечая других венцов творения, Бет — слишком застенчива, чтобы решиться на большее, чем подглядывать за другими и удивляться, что Эми осмеливалась командовать молодыми людьми, а Джо чувствовала себя вполне в своей стихии среди юношей, хотя ей было очень трудно удержаться от подражания манерам джентльменов, их фразам и подвигам, которые казались ей более естественными, чем приличия, предписанные молодым леди. Всем юношам очень нравилась Джо, но они никогда не влюблялись в неё, и лишь очень немногие избежали подношений в виде пары-тройки сентиментальных вздохов на алтарь благоговения перед Эми. И вполне естественно, что, рассуждая о чувствах, мы перейдём к рассказу о «Голубятне».

Так назывался маленький коричневый домик, подготовленный мистером Бруком в качестве первого жилища для Мэг. Лори окрестил его так, сказав, что дом очень подходит для нежных влюблённых, которые «живут вместе, как пара горлиц, сначала целуясь клювиками, а потом воркуя».

Это был крошечный домик, с небольшим садиком позади него и лужайкой перед окнами размером с носовой платок. Здесь Мэг намеревалась устроить фонтан, аллею с кустарником и посадить множество прелестных цветов, хотя сейчас фонтан представлял собой обветшалую урну, очень похожую на неопрятное помойное ведро, аллея с кустарником состояла из нескольких молодых лиственниц, которые находились между жизнью и смертью, а на обилие цветов лишь намекал частокол из палочек, отмечающих места, где посажены семена. Но внутри домик был совершенно очарователен, и от чердака до подвала счастливая невеста не видела в нём никаких недостатков. По правде говоря, передняя была

очень тесной, и им повезло, что у них не было фортепиано, потому что инструмент никогда не поместился бы в ней, столовая была так мала, что шесть человек с трудом бы в неё втиснулись, а кухонная лестница, казалось, была построена специально для того, чтобы слуги и фарфоровая посуда падали с неё в ящик с углем. Но если привыкнуть к этим незначительным изъясам, то ничто не могло выглядеть более цельным, ибо расстановка мебели подчинялась здравому смыслу и хорошему вкусу, что дало в высшей степени удовлетворительный результат. В маленькой гостиной не было ни столиков с мраморными столешницами, ни высоких зеркал, ни кружевных занавесок, но простая мебель, множество книг, одна-две прекрасные картины, подставка с цветами в эркере и расставленные тут и там красивые безделушки, подаренные хозяевам друзьями и казавшиеся прекраснее из-за того, что олицетворяли собой пожелания любви.

Я не думаю, что Психея из паросского мрамора, подаренная Лори, утратила свою красоту из-за скобы, которой Джон приладил её к стене, и что любой драпировщик мог бы украсить помещение простыми муслиновыми занавесками более изящно, чем это сделали руки художницы Эми, или что любая кладовая когда-либо была заполнена более добрыми пожеланиями, шутками и счастливыми надеждами, чем та, куда Джо и её мать поместили несколько коробок, бочонков и свёртков Мэг, и вообще, я уверена, что новая идеально чистая кухня не выглядела бы такой уютной и опрятной, если бы Ханна не переставила все кастрюли и сковородки по дюжине раз и не разложила дрова в очаге, чтобы разжечь их в тот самый момент, когда «миссис Брук войдёт в дом». Я также сомневаюсь, что какая-нибудь молодая замужняя женщина когда-либо начи-

нала жизнь с такого богатого запаса тряпочек, подстанников и мешочков, потому что Бет сделала их столько, что хватило бы до серебряной свадьбы, и изобрела три разных вида кухонных полотенец, чтобы быстро обтирать свадебный фарфор.

Люди, берущие всё это напрокат, не знают, что теряют, потому что самые обычные домашние дела становятся прекраснее, если их выполняют любящие руки, и Мэг нашла так много доказательств этому, что всё в её маленьком гнездышке, от держателя для кухонного полотенца до серебряной вазы на столе в гостиной, красноречиво говорило о царящей в доме любви и нежной предусмотрительности хозяев.

Какие счастливые часы они проводили вместе, с каким важным видом они отправлялись за покупками, какие смешные ошибки совершали и какие взрывы смеха вызывали нелепые покупки Лори! В своей любви к шуткам этот молодой джентльмен, хотя и окончивший колледж, оставался сущим мальчишкой. Его последней причудой было приносить с собой во время еженедельных визитов какую-нибудь новую, полезную и оригинальную вещицу для молодой домохозяйки. Как то: мешок с необычными прищепками для белья, чудесная тёрка для мускатного ореха, которая развалилась на куски при первом же испытании, очиститель для ножей, который испортил их все, или механическая щётка, которая ловко снимала ворс с ковра и при этом оставляла нетронутой грязь, эффективное мыло, от которого кожа сходила с рук, надёжный клей, который накрепко склеивал только пальцы обманутого покупателя, и всевозможная жестяная посуда, от игрушечной копилки для мелочи до чудесного котла для стирки белья паром, у которой были все шансы взорваться в процессе работы.

Напрасно Мэг умоляла его остановиться. Джон смеялся над ним, а Джо называла его «мистер Тудл»¹. Он был одержим манией покровительствовать изобретательности янки и видеть, что его друзья оснащены всем необходимым. Так каждую неделю совершалась какая-нибудь новая нелепость.

Наконец все приготовления были закончены, вплоть до того, что Эми разложила разноцветное мыло в соответствии с разными цветами комнат, а Бет накрыла стол для первой трапезы.

— Ты довольна? Ты чувствуешь себя здесь как дома и что вы будете здесь счастливы? — спросила миссис Марч, когда шла под руку с дочерью по новому владению, потому что в этот момент они, казалось, были ещё крепче связаны друг с другом, чем когда-либо.

— Да, мама, совершенно довольна, спасибо вам всем, и я так счастлива, что не могу передать словами, — ответила Мэг, и ее взгляд был гораздо красноречивее слов.

— Ей бы ещё пару служанок, тогда всё было бы в порядке, — сказала Эми, выходя из гостиной и пытаясь определить, где лучше смотрится бронзовая фигурка Меркурия — на этажерке или на каминной полке.

— Мы с мамой всё обсудили, и я решила сначала попробовать вести хозяйство так, как делала она. Здесь вряд ли найдётся много дел, но у меня будет достаточно работы, чтобы не облениться и не затосковать по дому, а Лотти будет выполнять мои поручения и немного мне помогать, — спокойно ответила Мэг.

— У Салли Моффат их четыре, — начала Эми.

— Если бы у Мэг было четыре служанки, дом бы их не вместил, и хозяину с хозяйкой пришлось бы разбить

¹ Мистер Тудл — персонаж романа Ч. Диккенса «Домби и сын».

палатку в саду, — вмешалась Джо, которая, обернувшись большим синим передником, наводила последний блеск на дверные ручки.

— Салли замужем не за бедняком, и иметь много служанок вполне соответствует её высокому положению. Мэг и Джон начинают семейную жизнь скромно, но у меня такое чувство, что в маленьком доме будет столько же счастья, сколько и в большом. Молодые девушки, подобные Мэг, совершают большую ошибку, когда они ничего не делают, кроме как меняют наряды, отдают распоряжения и сплетничают. Когда я только вышла замуж, мне очень хотелось, чтобы моя новая одежда скорее изнасилась или порвалась, чтобы я могла с удовольствием чинить её, потому что мне тогда ужасно надоело заниматься рукоделием и заботиться лишь о состоянии своего носового платка.

— Почему же вы не отправились на кухню, чтобы приготовить «кушанья», как, по словам Салли, она поступает, чтобы развлечься, хотя у неё никогда ничего не получается, и слуги над ней смеются, — сказала Мэг.

— Я туда и отправилась спустя некоторое время, но не для того, чтобы готовить «кушанья», а чтобы научиться у Ханны, как это нужно делать, чтобы у слуг не было повода смеяться надо мной. Тогда это казалось игрой, но пришло время, когда я была искренне благодарна, что у меня есть не только желание, но и возможность готовить здоровую пищу для моих маленьких девочек и справляться своими силами, если я буду не в состоянии нанять себе помощников. Ты начинаешь не с того конца, Мэг, дорогая, но уроки, которые ты получишь сейчас, со временем пригодятся тебе, когда Джон разбогатеет, потому что хозяйка дома, каким бы роскошным он ни был, должна знать, как следует работать, если она хочет, чтобы ей хорошо и честно служили.

— Да, мама, я это понимаю, — сказала Мэг, внимательно выслушав это маленькое поучение, так как даже лучшая из женщин любит порассуждать о всепоглощающем предмете домашнего хозяйства. — Знаете, эта комната в моём игрушечном домике мне нравится больше всего, — добавила Мэг через минуту, когда они поднялись наверх, и она заглянула в свой доверху заполненный бельевой шкаф.

Там была Бет, которая аккуратно раскладывала снежно-белые кипы белья на полках, радуясь такому прекрасному порядку. Все трое засмеялись, когда Мэг заговорила, потому что этот бельевой шкаф был объектом всеобщих шуток. Видите ли, заявив, что если Мэг выйдет замуж за «этого Брука», то не получит ни цента из её денег, тётушка Марч оказалась в неловком положении, когда время уладило её гнев, заставив раскаяться в данном обете. Она никогда не нарушала своего слова и много размышляла над тем, как бы ей обойти это затруднение, и в конце концов придумала план, который мог бы её удовлетворить. Миссис Кэррол, матушке Флоренс, было велено купить, сшить и пометить щедрый запас постельного и столового белья, а затем прислать его в подарок на свадьбу; всё это было добросовестно исполнено, но тайна просочилась наружу, и семья очень обрадовалась, потому что тётя Марч старалась выглядеть совершенно непричастной и настаивала, что не может подарить на свадьбу ничего, кроме старомодного жемчуга, давно обещанного первой невесте.

— Это очень по-домовитому, и мне приятно это видеть. У меня была молодая подруга, которая начала вести хозяйство всего лишь с шестью простынями, но зато у неё были чаши для ополаскивания пальцев гостей, и это её устраивало, — сказала миссис Марч,